

ВЛАСТЬ СВЕТА

В этих словах
— эстетиче-

ская платформа

Малого, Шен
ду жизни. его
одным идеям
малый освещает
м коммунистич
в советских ху
как и прежде,
его становления,
его художеств
са остается Че
е, представляе
го и самого но
искусств.

...артиста беспре-
одинаково при-
емики и ж пьеса
ти. Более того,
ашающего дня, —
Ильинский, —
актеров-мастеров.
актер-мастер об-
ельной силой про-
образ и через об-
веческую душу.

Толстой, Чехов, быть с их на- хранить тради- одить их в том- чании, как де- д? Или начисто- традиций, об- есников в модер- ы, играть ич- рит косых, син- ритов, караб- ным сценически- ых переходить на- ест», ложнозна- ушепот?

р не ищет лег-
перестройке», не
шаткие мостки
современности.
прого и беспо-
инского реализ-
трон и расче-
актера. Им, ак-
он ключ совре-
ения классиче-
ра. В нит видит
роцирования в
ель, освобождая
закипи могучие
заложенных в
великих гума-
го.

цесную галерею
ований демон-
ня Малый театр
классика мощно
ашу жизнь.

«Власть тьмы». Буйство страстей, яркость красок и необузданность страданий. Над всем этим, словно белокрылая чайка, парит чистая и высокая мысль гениального Толстого.

Мысль о красоте человеческой души и о страшно, калечащем ее глупе тьме. Мысль о долге человека быть счастливым на земле. Точна и ясна падира эформиста спектакля — художника Б. Вольфа. Могучим композитор постановки выступает сэтг — он как бы выхватывает из тьмы узлы переплетений человеческих судеб, забрасывает нас в атмосферу спектакля. Но все это — лишь фон для сфокусированного и широко го выражения кризисного духа актера.

Никита — Дорочин и Аким — Ильинский. Два образа. Два взгляда на жизнь. Две стороны одной идеи. И два актерских подхода к ней.

На наших глазах рушится
жизнерадостный мир, для ко-
торого рожден красавец и ве-
сельчак Никита. Надвигается
гибельный, терпкий туман. И
спадает пелена с глаз Никиты.
Он мечется, ищет. Но вокруг —
смерд. И бьется, бьется во
тьме, рожденный для света,
хороший, красивый человек...

А Аким — это тихая мудрость и покой. Светел и прост чудесный, чистый, не тронутый распадом и гнилью старик. Как он мудро и скорбно молчит, сидя на печке, — съжившийся, узкоплечный, всем сердцем своим слушающий хмельное, бестыдное буйство сына. Как неизбывна тоска отцовская, как велики его права, преступно поправные этим гнусным, темным миром!

Словно лунная дорожка: в
снежной степи светел и пряч
Аким Ильинского. Он букваль
но «высветлил» огромную идею
Толстого, идею познания чело
веком подлинного смысла
своей жизни.

Михаил Жаров. — целая эпоха в истории советского искусства. Все мы знаем его, верим в Жарова, ждем от него многого. Но талант его предстал перед нами на этот раз в неожиданном ракурсе, превзойдя все наши ожидания.

Лебедев из «Ивановых» — это хороший, добрый, но бесслыный человек, найивный в своей детской незащищенности. Михаил Иванович Жаров играет Лебедева удивительно мягко, целомудренно, чисто, задушевно, как бы с печальной человеческой сочувствующей улыбкой, говорящей скупой, серой толпе бессильных людей:

— Скверно вы живете, господа!

А вот — шкипер Илларион Гроза в пьесе А. Корнейчука «Страница дневника». Илларион — наш современник, участник войны, человек с трудной и страшной судьбой. Порою нам кажется, что все в нем одичало, — заглохло, — осталось только мучная и тупая боль да жажда воды... Но вдруг происходит чудное: Гроза — Жаров вырастает на наших глазах, расправляются его плечи, в нем просыпается достоинство, угадывается великая сила и стойкость. И словно меняется весь его внешний облик; словно благообразие становится рыжие клохья бороды и волос. Человек заговорил о великой беде и о великом мужестве народном. Человек заговорил о своем священном долге перед мертвыми и перед живыми. Пробудилась в нем удивительная нравственная красота. Старый, обросший щетиной одинокий шкипер, он — прекрасен. Он стал как бы символом великого народного мужества, которое выстояло в году бедствий. Огромна сила художественного обобщения. Илларион Гроза становится старшим братом того самого беззубого солдата, которого пропелся на века чухареская «Бадлаа».

Малый театр — кладезь актерских сокровищ. Как хорошо так называемые «эпизоды»! Злов, капризный и взыскательный старикашка-царь из «Умных вещей» — неистовою комичен. Можно ли поверить, что год же артист — А. П. Грузинский — играет Кропилькина — сторожа в «Дачниках»? Удивительная пластичность и изящество! Нежный лиризм и безграничное обаяние. Старичок Кропилькин словно веселый светлячок, радостный и добрый, по-народному проसодушный и старательный. Как же красива душа артиста, способная создавать такое совершенство!

О Николае Афанасьевиче Светоподове можно говорить и говорить. Его актинизм Дмитрий Никитич Косых из «Лавова» (хотя время пребывания его на сцене измеряется мгновениями) — настоящий актерский шедевр. Все в нем человеческое, все рождено глубоким сочувствием к маленькому, раздавленному жизнью человеку, забитому несправедливым, праздным и тупым мешанским бытом. Какая тонкость психологического полетного, мельчайший оттенок! И какая — неисчерпаемая человечность!

И тот же Сретловидов —
консул в пьесе Г. Мдивани —
спесивый, ничтожный, как
гнонный парост на теле ясто-
да. Аргист откровенно ненави-
дит своего «героя».

И — наковец, глыба, водопад
мыслей, ураган страстей —
Иванов в исполнении Михаила
Ивановича Царева.

По-чеховски внешне неяркий, сдержанный вначале, он потом зрел, расцветает, и, наконец, становится, пусть пассивным, но все-таки, обличителем мерзкого, непристойного мира. Огромен колоколуший темперамент Иванова—Чарева. Артистический как бы образ удивительным светом, идущим откуда-то изнутри. Пламенуют его глаза, недавно еще казавшиеся потухшими. И как прекрасен чеховский язык в устах этого поистине великодушного поэта!

Нет, он отнюдь не однопла-
нов, не обогорожен искусст-
венно, Иванов Царев. Он
очень сложен, / противоречив.
Но артист умышленно, убеж-
денно выделяет мажорный,
сторону характера своего ге-
роя, показывает Иванова /
глубоких и тяжких раздумьях,
напряженно ищущего выход из
тупика.

— Он, Иванов, не видит реаль-
ного пути борьбы. Но вместе
с отчаянием в нем зреет гнев.
Власть быта, враждебного че-
ловеку, опровергнута. Горесте-
вует гармония чувств. Горесте-
ствует высокая чеховская че-
ловечность, освобождающая от
вериг униния и безволия, в
которых насильственно упря-
мляли ее многие поколения
«толкователей» и клеветников.
И даже выстрел, прогремевший
на сцене, — протест Иванова,
раздирающий беспротестную
мглу обывальщины, мешавшей

Царев обрушивается на "наше светлый жизнеутверждающий, добрый гений Чехова. Разве это не подвиг артиста? Разве это не образец современного прочтения классики?

Лев Толстой утверждал, что главное в искусстве — точка зрения художника, во имя чего художник задумал свое произведение. Точка зрения мастеров Малого театра — и жизнь — ясна. Это утверждение гуманных, коммунистических идеалов. И право же, неужели говорить сегодня об отклонении от правил, о частных неудачах отдельных артистов, режиссеров или даже целых спектаклей, хотя, конечно, они нисколько не в этом театре.

Молодой, азартный талант Евгения Симонова внес в жизнь маститого коллектива вагганговскую яркость и изысканность театральная формы, смелую условность и возвышенный романтизм. Это еще более раздвинуло рамки творческих возможностей труппы. И вот сегодня она во всеоружии решает благородную, возвышенную задачу — обогащает современников большим искусством, воодушевляет их, крепит их крылья, зовет к большим полетам.

Ольга Макарова